

— Сострадательное сердце? Я вовсе не бодхисатва, с какой стати мне питать милосердие к своим врагам?

— Старый монах готов принять три удара вашего превосходительства, и после этого надеется, что вы оставите эту вражду в прошлом.

Фан Юньсюань холодно усмехнулся:

— В такие годы, а всё ещё строишь из себя героя! Сколько себя помню, ни один наставник не учил меня не давать сдачи в ответ на удар. Раз уж ты упорно желаешь принять мои три удара, мне нечего тебе возразить. Но после трёх ударов я всё равно заберу его собачью жизнь!

Настоятель Дэюань, подобно каменной изящной статуе, заслонил собой вход, его лицо было бесстрастным. Окружающие только что воочию убедились в сокрушительной силе ладоней Фан Юньсюаня: те тяжелые валуны разлетались в пыль от малейшего удара. И пусть внутренняя сила настоятеля Дэюаня была огромна, разве мог он невредимым выдержать три его удара?

Фан Юньсюань медленно собирал внутреннюю энергию. Он не хотел терять время: приступы яда в его теле повторялись всё чаще, а мучения длились всё дольше. Он не мог быть уверен, что в следующий раз, когда яд даст о себе знать, он вообще сможет подняться. Он знал лишь одно: до собственной смерти он должен завершить то, ради чего пришел в этот мир.

В самый критический момент алая лакированная дверь снова распахнулась, и оттуда вышел сероманный монах — это был не кто иной, как Фан Хуаньтянь!

Завидев его, Фан Юньсюань невольно вздрогнул от удивления. Не видевшись всего несколько месяцев, Фан Хуаньтянь полностью поседел и невероятно постарел.

Он медленно спустился по каменным ступеням навстречу ему.

— Тот, кого ты ищешь — это я, не калечь больше невинных.

— Отлично, ты не стал прятаться черепахой, спрятав голову в панцирь. — Фан Юньсюань пристально смотрел на него, его взгляд был остр как клинок. — Давай покончим со всем сегодня.

— Неужели ради такого грешника, как я, стоит ополчаться против всего боевого мира? Разве оно того стоило?

— Есть много вещей, которые нельзя измерять понятиями стоит или не стоит.

— Юньсюань... — вздохнул Фан Хуаньтянь. — Ты ведь плохо обошелся с Мэн'эр, ты убил её.

— Можешь считать и так, она действительно погибла в Лесу Священного Древа. А ты очень скоро сможешь составить ей компанию.

Плывущие по небу облака неизвестно от чего пролились мелким дождем. Фан Хуаньтянь знаком велел монахам Шаолиня не вмешиваться в битву, а сам с трудом отражал атаки Фан Юньсюаня.

К своему удивлению, он обнаружил, что внутренняя сила Фан Юньсюаня настолько мощна, что превосходит все его ожидания. Он начал чувствовать себя всё тяжелее, и после нескольких обменов ударами отчетливо осознал, что вовсе не ровня Фан Юньсюаню.

Его тело, уже не столь крепкое и сильное, как в былые годы, от мощного пинка взлетело в воздух. Фан Хуаньтянь успел лишь заметить, как перед глазами мелькнула фигура Фан Юньсюаня, а в следующее мгновение колоссальная волна давления швырнула его на большое дерево у каменной дорожки.

Толстый ствол надвое раскололся от удара. Фан Хуаньтянь услышал, как внутри его тела раздался хруст ломающихся костей, изо рта фонтаном хлынула кровь, и он рухнул на землю, больше не в силах подняться.

Фан Юньсюань неторопливо подошел к нему и тихо произнес:

— Рука, Хватающая Дракона, и правда оправдывает свою славу.

Фан Хуаньтянь в жалком виде прислонился к оставшейся половине древесного ствола, и при каждом вздохе кровь капала у него изо рта.

— Тогда, когда я планировал разорить Усадьбу Жэнь, дело было вовсе не только в зависти к твоему отцу. В мире боевых искусств упорно ходили слухи, что тот, кто заполучит Клинок Разрывающего Пустоту и меч Цаньян, сможет отыскать давно исчезнувшие легендарные техники боевых искусств. Так вышло, что и клинок, и меч находились у твоих родителей, но они не проявляли ни малейшего любопытства, и сколько бы я их ни подговаривал, оставались глухи.

Разорив Усадьбу Жэнь, я пять лет безуспешно пытался разгадать тайну между ними, поэтому в конце концов сделал одолжение и подарил Клинок Разрывающего Пустоту Имперскому Наставнику, а меч Цаньян отдал клану Нангун. Эти два прославленных оружия... изначально должны были принадлежать твоему роду Жэнь.

Фан Юньсюань не ожидал, что тот поведаст о прошлом. Он никак не мог связать Клинок Разрывающего Пустоту со своим собственным прошлым, но теперь его нынешним владельцем неожиданно оказался Лань Чжуй.

При мысли о Лань Чжуге он на мгновение замер на месте. За эти несколько месяцев от него не было ни вестей, ни слухов, и он понятия не имел, как тот поживает. Забыл ли он его... хоть на миг?

Настоятель Дэюань перепрыгнул через Юньсюаня и встал перед Фан Хуаньтянем:

— Все меридианы в его теле уже разорваны, умоляю ваше превосходительство пощадить его жизнь!

Фан Юньсюань не остановил шагов и холодно бросил:

— А если я скажу нет?

Настоятель Дэюань заслонил собой тяжелораненого Фан Хуаньтяня, не желая сдвигаться ни на дюйм, а стоявшие позади монахи Шаолиня внезапно выстроились в боевой порядок и толпой ринулись вперед. Шаолиньское искусство владения палкой гремело на весь мир; Юньсюань ловко уворачивался от атак, но всё же чувствовал нарастающее напряжение.

В этот момент ворота храма снова распахнулись, и оттуда с пустыми руками выскочил сухощавый мужчина средних лет в монашеских одеждах, громко вопя:

— Что за бродяги посмели явиться в Шаолинь и чинить беспорядки!

Тот обладал выдающимся мастерством цигун: одним легким прыжком он перемахнул через головы множества шаолиньских монахов и с размаху обрушил на Фан Юньсюаня прямой удар ладонью, в который вложил всю свою мощь.

Фан Юньсюань и без того был измотан отражением назойливого палочного строя, а в суматохе смог освободить лишь одну руку, чтобы принять этот исполненный колоссальной силы удар, после чего отлетел назад шагов на сто. Под ногами из голубого камня взметнулись клубы пыли, а некогда гладкая поверхность покрылась паутиной трещин.

Словно по предварительному сговору, из воздуха внезапно выскочили больше десятка людей в черных масках и плотно окружили Фан Юньсюаня, защищая его. Один из них взмахом руки отвел удар монаха, двигаясь с невероятной скоростью. Перед глазами зрителей всё пестрело от мелькания фигур, так что разобрать их движения было уже невозможно.

После дюжины обменов ударами исход поединка всё еще оставался неясным. Сухощавый монах резко отпрыгнул назад, выходя из зоны атак людей в черном. На его лбу проступили мелкие капли пота, но он вдруг весело рассмеялся:

— А боевые искусства Западных Регионов и вправду хороши, зря молва не ходит!

Глядя на Фан Юньсюаня, стоявшего среди людей в черном, он сложил ладони вместе и принялся с усердием уговаривать:

— Обитель Будды — место чистое и безмятежное. Пусть грехи брата Фана в прошлом и были тяжки, теперь он встал на путь исправления и обратился в буддийскую веру. К чему множить злобу, ведь у зла не бывает конца — умоляю благородного господина прекратить бойню и не проливать больше крови!

Не успели замереть его слова, как из-за спины настоятеля Дэюаня донесся чей-то болезненный стон. Окружающие оглянулись и увидели, что у Фан Хуаньтяня кровь течет из всех семи отверстий на лице — он испустил дух.

Дыхание Фан Юньсюаня перехватило. Оттолкнув защищавших его людей в черном, он подошел прямо к телу под деревом и проверил его дыхание.

— Амитабха!

Ноги Фан Юньсюаня внезапно подкосились, и он рухнул на землю. Глядя на залитое кровью лицо перед собой, он в этот момент совершенно не понимал, что чувствует в душе. С самого детства его единственной целью было обагрить клинок кровью врага; каждый день, видя Фан Хуаньтяня, он жалел лишь о том, что не может искромсать его на тысячи кусков. Теперь же, когда заветное желание наконец исполнилось, он ощутил лишь странную пустоту и утрату.

Этот человек... он проклинал его всю свою жизнь, ненавидел всю свою жизнь, и вот он восстановил справедливость для сотни с лишним жизней семьи Жэнь. Но что, помимо жгучей ненависти, было у него все эти пятнадцать лет?

На сердце вновь поднялась буря, и кровь прихлынула к голове. В груди скопилось удушливое тяжелое облако, не дававшее вздохнуть. Этот проклятый яд всегда давал о себе знать в самый неподходящий момент.

Фан Юньсюань был благодарен судьбе лишь за то, что сейчас стоял ко всем спиной. Никто не должен был видеть его мелко дрожащих плеч и подступающей к горлу соленой крови — своего жалкого вида он не хотел показывать никому.

Утерев рукавом кровь с губ, он медленно поднялся на ноги. Шаги были немного неверными, а в груди по-прежнему полыхала жгучая боль.

Настоятель Дэюань уже отдал распоряжение ученикам перенести тело Фан Хуаньтяня в обитель и готовить его к погребению. Издалека бросив долгий взгляд на спину Фан Юньсюаня, он тяжело вздохнул и скрылся за воротами храма.

Фан Юньсюань так и шел с опущенной головой впереди людей в черном, ступая неровной

поступью.

То средних лет монах в одиночку стоял на расколотых каменных плитах и вдруг громко окликнул его:

— Благородный господин, лицо ваше мертвенно-бледно, яд уже проник во внутренние органы. Если не изгнать его немедленно, боюсь, через месяц спасти вас будет уже некому.

Фигура Фан Юньсюаня на миг замерла, но он даже не обернулся. Подняв руку в знак приветствия, он громко произнес:

— Благодарю... Глава VIII

Лань Чжуй и Гун Цюйчэнь дни напролет спешили в путь, двигаясь с севера на юг, но никто не мог подсказать им, где искать Бессмертного с Восточного Острова. Редко кто-то припоминал, что видел его пару лет назад.

Лань Чжуй меньше всего ожидал, что, спасая жизнь Гун Цюйчэню, сам в итоге приобретет статус общего врага боевого мира. Куда бы они ни направлялись — будь то затерянные лесные тропы или оживленные императорские тракты — неизменно сталкивались с бродягами из Цзянху. Если попадались горячие до драки молодцы, те без лишних слов хватались за оружие; те же, кто опасался репутации Лань Шисаня, спешно ретировались, одаривая их напоследок презрительными взглядами.

А главный виновник, Гун Цюйчэнь, ничуть не заботясь о кодексе чести, с интересом наблюдал за борьбой тигров с вершины горы, предпочитая оставаться сторонним зрителем.

— Ха-ха, никогда бы не подумал, что на своем веку мне доведет увидеть, как адепты светлых дорог грызутся между собой! — Гун Цюйчэнь уверенно восседал на белом коне, наблюдая, как Лань Чжуй вновь лупит дерзких задирающих их негодяев, и не в силах сдержать громкий смех.

Лань Чжуй сохранял невозмутимый вид. Бросив на него свирепый взгляд, он вскочил в седло другого коня.

— А по-твоему, чьих это рук дело?

Конь неторопливо шагал по лесной тропинке, совершенно не напуганный недавней дракой, — казалось, подобное зрелище давно стало для него привычным.

— Я тебя спасать не просил.

Лань Чжуй досадливо замолчал. Зная, что спорить с этим мужчиной — лишь наживать себе

лишние неприятности, он благоразумно закрыл рот, слегка пришпорил коня и выехал вперед.

Весенний ветерок овеивал лицо, растрепав выбившуюся на лоб прядь волос. Гун Цюйчэнь чуть приподнял голову, задумчиво глядя на облака, плывущие в бесконечной синеве ясного неба. Долгое молчание прервало лишь одно короткое предложение:

— Фан Хуаньтянь постригся в монахи в Шаолине, ты ведь знаешь?

— Знаю.

— Сяояо в любой момент может заявиться туда, чтобы свести с ним счеты.

Лань Чжуй резко осадил коня и, повернувшись, удивленно уставился на него:

— Зачем ты мне об этом говоришь?

— Разве ты не хочешь увидеть его? — Гун Цюйчэнь небрежно гладил коня по гриве. — Еще десять ли пути, и будет Шаолинский храм, почему бы тебе не подняться на гору? Повезет — застанешь его, нет — попутно расспросишь, не знает ли кто из просветленных монахов, где искать того самого Цзянхуского лекаря с Восточного Острова.

Лань Чжуй возликовал. Все эти дни Гун Цюйчэнь хранил упорное молчание о местонахождении Фан Юньсюаня, а теперь сам раскрыл его след. Оставшиеся десять ли пути показались ему совсем короткими: звонко гикнув, он пустил коня в галоп по песчано-галечной дороге.

И пусть всё это могло оказаться засадой — даже если впереди его ждали тысячи ядовитых змей, в эту минуту они казались ему совершенно не страшными.

Трава пестрела лепестками, а ветви ив багровели от сока. В это время года погода переменчива: ветрено, дождливо, но хватает и ясных солнечных дней.

Кто теперь считал, сколько сотен ступеней насчитывает эта каменная лестница Шаолиня, одиноко затерянная среди густых крон деревьев.

Гун Цюйчэнь указал на нее рукой:

— Поднимайся наверх сам, я подожду тебя здесь.

Лань Чжуй изумился:

— Разве ты не идешь?

— У меня с шаолиньскими давние счеты, идти туда и нарываться на тумаки? — Гун Цюйчэнь спрыгнул с лошади, уселся прямо под первым попавшимся деревом и небрежно зажал в зубах травинку. — Хватит болтать, живо поднимайся. Даю тебе времени в одну палочку благовоний: будь Сяояо там или нет, чтобы духу твоего здесь через это время не было.

Больше не слушая его, Лань Чжуй быстрым шагом направился на гору. То, что Шаолинь в последние месяцы закрыл врата для любых посетителей, было ему давно известно. У него с настоятелем Дэюанем имелось нечто вроде давнего знакомства, так что даже если Фан Юньсюаня он не застанет, с позором выметать его отсюда метлой не станут.

Добравшись до ворот, он увидел нескольких юных монахов с боевыми посохами в руках, принявших оборонительные позы. Один из монахов постарше, заметив его, с доброжелательным, но настороженным видом направился навстречу:

— В нашей обители нынче хлопоты, принимать гостей не время, просим благородного господина повернуть назад!

Лань Чжуй отвесил ему поклон:

— Я Лань Чжуй, у меня есть важное дело к настоятелю Дэюаню, прошу уважения почтенного наставника — передайте ему о моем приходе.

Видя, что столь недвусмысленное требование убираться ничуть не испугало гостя, монах в простой одежде невольно скривился в нерешительности. Молодой и горячий нрав давал о себе знать, в груди закипало раздражение, и он уже собирался проявить суровость, как створки ворот со скрипом отворились, и к его изумлению на пороге показался сам настоятель Дэюань, а рядом с ним стоял со строгим лицом Второй дядя-монах.

— Учитель!

— Амиабха! — настоятель Дэюань мягко улыбнулся и сложил ладони. — Молодой господин Лань, вы опоздали. Тот, кого вы ищете, еще вчера спустился с горы.

Лань Чжуй слегка опешил, и та едва уловимая надежда, которую он с таким трудом лелеял, вновь рассыпалась от этих слов.

— Он... и вправду был здесь.

— Его сердце успокоилось, все старые счеты закрыты.

— Сердце успокоилось... неужели это так... — Лань Чжуй кивнул, понимая скрытый смысл его слов. Если Фан Юньсюань освободился от пут прошлой мести, согласится ли он провести с ним остаток дней...

— Не знает ли досточтимый учитель, где искать Бессмертного с Восточного Острова?

Настоятель Дэюань покачал головой, но стоявший рядом высокий и худой монах средних лет с любопытством окинул Лань Чжуя взглядом и произнес:

— Мне довелось встретиться с ним однажды, и до меня доходили слухи, что несколько лет назад он уединился в месте под названием Выжженная Тысяча Костей. Но нрав у него сумасбродный и нелюдимый, а всех, кто осмеливался являться к нему с визитом, его ученики неизменно с позором прогоняли.

Услышав это, Лань Чжуй невероятно обрадовался. С каких пор они с Гун Цюйчэнем метались по свету, и никто во всем мире не мог назвать точного приюта этого чудака, а теперь нашелся человек, знающий его путь! Ему захотелось отрастить крылья и немедленно умчаться туда.

— Младший благодарит обоих учителей!

Монах среднего возраста, видя, что тот собирается уходить, предостерегающе вздохнул:

— В Цзянху полно опасностей, а молодой господин Лань — особа благородного происхождения, вам не стоит так опрометчиво цепляться за это прошлое.

Лань Чжуй легко рассмеялся:

— Когда дождешься того, кого ждешь, в пределах Чжунъюаня всегда найдется тихое и мирное пристанище.

Едва заметив, как мелькнула его фигура, как он мгновенно растворился вдали. Годы скитаний по Цзянху пошли на пользу: легкость этого парня, казалось, достигла поистине божественных высот.

На фоне буйной зелени эта вспышка ослепительно алого цвета казалась особенно яркой, до ослепления роскошной и безупречной.

Гун Цюйчэнь сидел с закрытыми глазами, напевая себе под нос веселый мотивчик, а в руке его легко и гибко вращалась серебристо-белая длинная флейта.

Вдруг посреди тишины раздался конский топот — он приближался издалека. Мужчина лениво прищурился. Едущий верхом человек медленно приближался, покачиваясь в седле, а сидевший на коне юноша в белых одеждах показался до боли знакомым.

Встрепенувшись от неожиданности, он резко сел. Черный как смоль породистый скакун промчался мимо в мгновение ока, и он даже не успел разглядеть лицо седока, как тот умчался далеко вперед. Черный цвет одежды делал белизну еще более пронзительной.

Гун Цюйчэнь стремительно вскочил на ноги и бросился в погоню, используя легкие шаги. Меньше чем в десятке чжанов впереди этот всадник остановился и ждал его с легкой улыбкой. Приглядевшись, он с досадой понял, что это лицо имеет мало общего с тем, по которому он так тосковал.

Гун Цюйчэнь еще колебался, стоит ли подходить ближе, как под ногой что-то хрустнуло, и в следующее мгновение огромная рыболовная сеть рухнула прямо с небес. Прежде чем он успел вырваться, она плотно окутала его с ног до головы.

— Не дергайся, эта штука затягивается всё туже от любых движений. Если не хочешь быть раздавленным насмерть, сиди тихо и не рыпайся.

— Кто ты такой? — сжав зубы, процедил Гун Цюйчэнь.

— Неважно, кто я. Сейчас главный герой — это ты. — Мужчина хлопнул в ладоши, и из чащи немедленно выскочили несколько дюжих молодцов, которые взвалили Гун Цюйчэня на плечо. Тот мягко улыбнулся ему: — Пока ты будешь вести себя смирно, я избавлю тебя от мучений.

Мчась во весь опор вниз по горе, Лань Чжуй так и не обнаружил и следа Гун Цюйчэня. Две лошади по-прежнему безмятежно щипали траву под деревом, но куда подевался сам наездник?

Прождав под деревом около четверти часа и так и не дождавшись возвращения Гун Цюйчэня, он начал тревожиться. Неужели тот заманил его в ловушку, нарочно отделавшись от него, чтобы самостоятельно отыскать Юньсюаня?

Полуденное солнце окрасило листву в ослепительно-золотой цвет. Лань Чжуй жмурился от ярких лучей, верхом на коне продвигаясь вперед, а лошадь Гун Цюйчэня послушно следовала позади. Он ехал нарочито медленно, боясь, что если Гун Цюйчэнь застрял по какому-то делу, то не сможет догнать его на пути.

Серебристый блеск среди золотистого моря листвы показался странно резким. Долго вглядываясь в него, Лань Чжуй внезапно соскочил с седла и поднял предмет с земли.

Ослепительно сверкнувшая длинная флейта принадлежала самому Гун Цюйчэню, который никогда не расставался с ней. Сердце Лань Чжуй пропустило удар, брови сошлись на переносице. Гун Цюйчэнь дорожил этой флейтой как зеницей ока, и при всей своей беспечности ни за что не обронил бы ее просто так. Значит, за то время, пока он сам поднимался к Шаолиню, тот попал в беду?

Хотя, строго говоря, они являлись соперниками в любви, в дороге они поддерживали друг друга, и Лань Чжуй невольно начал искренне переживать за него.

В эту пору года солнце способно жестоко обмануть: днем от жары кружится голова, а ночью мороз пробирает до костей.

Лань Чжуй добрался до ближайшего небольшого городка уже после заката. Сам городок был крошечным, здесь нашлось всего одно постоялое хозяйство, и ему пришлось долго стучать в ворота, прежде чем кто-то соизволил откликнуться.

Хозяин с виноватой улыбкой развел руками:

— Уважаемый, весь наш постоялый двор на эти два дня выкуплен целиком, уж не обессудьте!

Лань Чжуй бросил взгляд на небо: луна уже висела высоко, передвигаться по ночному безлюдному тракту было опасно, а до ближайшего другого селения пришлось бы тащиться неизвестно сколько.

— Если свободных комнат нет, я могу переждать ночь в общем зале на лавке.

Хозяин замотал головой и вдруг понизил голос:

— Наверху всего три постояльца, они строго настрого запретили беспокоить их и отвалили сотню лянов серебра, приказав никого больше не пускать. Вы уж проявите снисхождение, поищите ночлег у кого-нибудь из местных жителей.

Видя, что тот и вправду попал в трудное положение, Лань Чжуй не стал настаивать. Поблагодарив хозяина, он направился к привязанным у коновязи коням. В этот момент ему навстречу кто-то шел и плечом задел его в темноте. Лань Чжуй уже собирался извиниться, как вдруг столкнулся взглядом с пронзительными, свирепыми глазами этого человека, и, узнав его лицо, на мгновение замер.

Лань Чжуй тоже остолбенел: стоявший перед ним парень едва доставал ему до подбородка — разве это не тот самый черный юнец, с которым они вместе встретились у озера рядом с Гун Цюйчэнем!

Бэй Су огляделся по сторонам и нахмурился:

— Почему ты один? Где Левый страж?

Лань Чжуня самого терзали смутные сомнения из-за внезапного исчезновения Гун Цюйчэня, поэтому он вкратце выложил мальчишке всё, что случилось днем. По мере его рассказа брови подростка сходились всё круче, на лице мелькнуло растерянное выражение, и он пробормотал себе под нос:

— Глава сейчас в таком тяжелом состоянии, а Левый страж как назло пропал... что же теперь делать?

Глаза Лань Чжуня вспыхнули, он радостно схватил его за руку:

— Ваш глава тоже здесь?

Бэй Су с неудовольствием стряхнул его руку и с нескрываемой враждебностью окинул с ног до головы:

— Тебе-то какое дело?

— Отведи меня к нему!

Бэй Су холодно усмехнулся, продолжая сверлить его взглядом:

— Ты кто такой? Наш глава — тот, кого может увидеть каждый встречный?

Мальчишка разозлил Лань Чжуня до искр из глаз, и тот торопливо выпалил:

— Судя по тому, что ты только что сказал, у него снова начался приступ яда? Быстро води меня к нему, я знаю, где найти человека, способного исцелить этот яд!

Бэй Су изумленно раскрыл рот:

— Ты... ты и вправду знаешь?

Постоялый двор был не так уж мал, хоть и порядком обветшал. Бэй Су быстрым шагом вел Лань Чжуня за собой, стремительно взбегая по ступеням вверх. Лань Чжуня следовал за ним по пятам, сердце его колотилось как безумное, словно у какого-то юнца, охваченного нетерпением перед долгожданной встречей с возлюбленным.

Бэй Су дошел до самой дальней комнаты на втором этаже. На периллах у входа сидел какой-то мужчина и с подозрением разглядывал Лань Чжуня.

— Он говорит, что знает, кто может излечить яд в теле главы, — бросил Бэй Су, дважды постучал в дверь и толкнул ее, входя внутрь.

В комнате мерцал тусклый масляный светильник. Легкий ветерок, залетевший в приоткрытое окно, не мог заглушить густой, удушливый запах лекарств. Белая полотняная занавесь у кровати была опущена, и сквозь нее смутно угадывался чей-то лежащий силуэт.

Лань Чжую показалось, что его собственное сердце подпрыгнуло к самому горлу, а глаза защипало от слез.

Небеса сжалились надо мной, мой Юньсюань, еще чуть-чуть — и я бы снова разминуся с тобой...

Силуэт на кровати слегка качнулся, приподнимаясь на локте. Голос, доносившийся из-за полога, звучал хрипло, но Лань Чжуй никогда в жизни не смог бы забыть эти интонации:

— Бэй Су, это ты?

Бэй Су подошел к кровати, опустил на одно колено и доложил:

— Глава, я привел человека, он знает, у кого искать противоядие для вас.

Человек на кровати ничего не ответил. Было видно, как он махнул Бэй Су рукой, подзывая ближе, чтобы тот помог ему подняться.

Лань Чжуй стоял у входа, затаив дыхание, а его ладони покрылись испариной от волнения.

<http://bllate.org/book/21134/2144000>